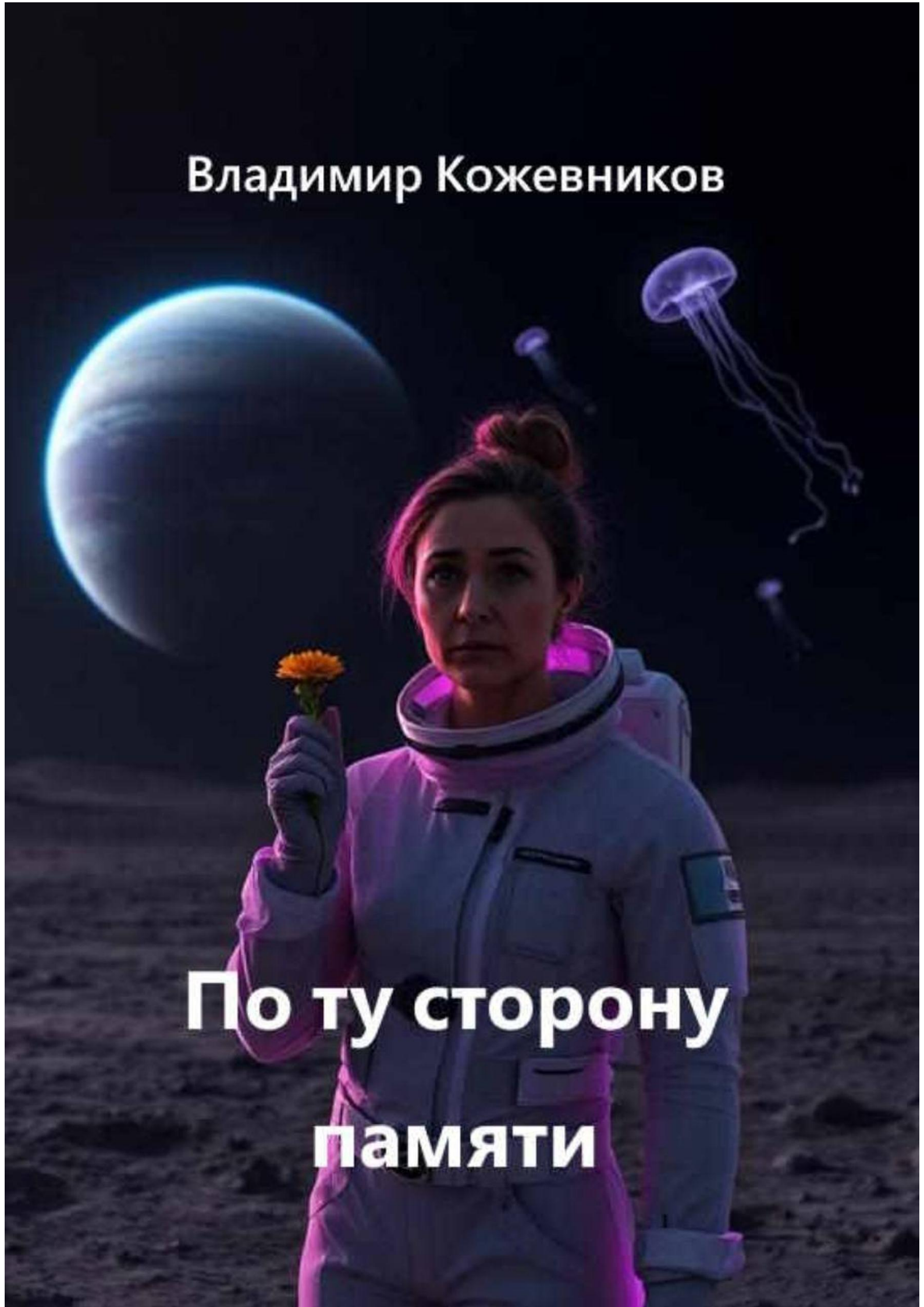

Владимир Кожевников

По ту сторону
памяти

Владимир Кожевников

По ту сторону памяти

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

По ту сторону памяти / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Ли́ра, потерявшая маленькую дочь, отправляется к далёкой планете, где обитают загадочные существа Эхо, способные сохранять память умерших. Ей предлагают воссоздать идеальный отпечаток сознания ребёнка — но для этого придётся войти внутрь чужой памяти и заплатить высокую цену. Погружаясь в мир абсолютных воспоминаний, Ли́ра узнаёт, что бессмертие может оказаться страшнее смерти, а настоящее прощание требует не меньше мужества, чем любовь.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел и звёзды	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Владимир Кожевников

По ту сторону памяти

Глава 1. Пепел и звёзды

Лира проснулась от того, что её собственное дыхание показалось чужим.

Три года. Три года она просыпалась так — с ощущением, что в груди кто-то поселился, дышит за неё, думает за неё, помнит за неё. Это был не голос. Это была тишина, принявшая форму маленькой девочки. Айя. Пять лет. Жёлтое платье. Волосы пахнут клубникой — тем дешёвым шампунем, который она так любила, что Лира до сих пор покупает его, хотя некому мыть голову.

За окном купола над кратером Тихо занимался лунный рассвет. Земля висела в чёрном небе — голубая, живая, равнодушная. Лира смотрела на неё и не чувствовала ничего, кроме глухой, уютной пустоты. Так наркоз защищает тело от хирургического ножа — слишком сильная боль отключает себя сама, перерезает провода, гасит лампочки. Горе, поняла она когда-то, — это не крик. Это когда перестаёшь слышать даже тишину.

— Лира, — раздалось из коммуникатора. Голос Окары, её напарника по миссии, звучал с той особенной интонацией, которую люди используют, когда говорят с человеком, чей ребёнок умер. — Через час стыковка с «Мнемозиной». Ты готова?

— Я всегда готова, — ответила она.

Это было неправдой. Она не была готова даже к такому простому жесту, как поднести ложку ко рту. Каждое утро это был маленький подвиг: проглотить пищу, не чувствуя её вкуса, сделать вдох, не ощущая, как лёгкие наполняются свинцом. Но она делала. Она всегда делала. Потому что женщина, потерявшая ребёнка, не имеет права перестать дышать — это было бы вторым предательством, ещё более страшным, чем первое.

Она была готова к тому, ради чего на самом деле летела на эту невозможную миссию. К контакту. К Эхо. К древним медузоподобным существам, которые парили в атмосфере газового гиганта Зеркало — планете, чьё настоящее название невозможно было перевести ни на один человеческий язык. Эхо называли её просто «мы» или, возможно, «здесь» — грамматика их сознания не делала различий между местом и идентичностью. Там, где ты находишься, и есть ты. Пространство и личность — одно.

Эхо умели то, чего не умел никто во всей известной Галактике: они сохраняли мёртвых. Целиком. Не тела — память. Каждое живое существо, когда-либо умершее на их планете, превращалось в мнемоэхо — идеальный, трёхмерный отпечаток сознания, застывший в вечном «сейчас». Они не хоронили своих. Они не скорбели. Для них смерть была не потерей, а рождением — переходом из текучей, несовершенной жизни в кристаллическую, неизменную память.

Люди, впервые столкнувшиеся с этим, сходили с ума. Буквально. Первая контактная группа, высадившаяся на Зеркало двадцать лет назад, вернулась... пустой. Их тела были целы, их глаза смотрели, их рты открывались и закрывались. Но за их взглядами не было ничего. Ни боли, ни радости, ни страха. Они стали идеальными сосудами, в которые вселилась чужая память — миллионы голосов миллионов умерших, и ни одного собственного желания. Эхо не поняли, что сделали что-то не так. Они подарили людям то, что считали высшим даром: бессмертие. Но человеческая психика оказалась слишком хрупкой для такого дара. Слишком маленькой, чтобы вместить вечность.

После той катастрофы Контактный Совет Земли ввёл мораторий на прямое нейровзаимодействие с Эхо. Разрешены были только дистанционные наблюдения, зонды, осторожные диалоги через переводчики, которые фильтровали 99% информации. Но Лира добилась исключе-

ния. Она была ксеноархеологом — одной из лучших. Она изучала древние цивилизации, чьи носители давно исчезли, оставив после себя лишь осколки керамики и радиоактивный пепел. Она знала, как говорить с мёртвыми. Теперь ей предстояло научиться говорить с теми, для кого смерть была лишь началом разговора.

Она села на кровати, провела рукой по лицу. В зеркале напротив — женщина с тёмными кругами под глазами, с волосами, собранными в тугий пучок, с губами, сжатыми в тонкую линию. Раньше она улыбалась. Раньше она смеялась. Раньше она была матерью.

Теперь она была археологом мёртвых богов и безутешной вдовой живого ребёнка.

Из потайного отделения чемодана она достала маленький жёлтый цветок из синтетической ткани — Айя сделала его своими руками в детском саду за месяц до того, как... Лепестки были кривыми, стебель — из согнутой проволоки, покрытой зелёной краской, которая уже облупилась. Но когда-то это был самый красивый цветок в мире. Лира прижала его к губам. Ткань пахла ничем — она выстирала цветок сотни раз, пока не исчез последний запах детских пальцев, пахнувших пластилином и апельсиновым соком.

Она закрыла глаза и позволила себе на секунду представить: Айя, пять лет, смеётся, убегающая от морской волны. На ней жёлтое платье — она любила жёлтый, говорила, что это цвет солнца, который можно надеть. Солнце отражается в её волосах, в её глазах, в её смехе.

Образ был резким, почти болезненно ярким. Но Лира знала: это не воспоминание. Это реконструкция. Настоящее воспоминание — то самое, единственное, подлинное — было повреждено. Слишком много боли наложилось на него, слишком много вины, слишком много бессонных ночей, в которых она переписывала прошлое. Она больше не была уверена, что Айя действительно смеялась так. Может быть, она плакала. Может быть, она звала маму. Может быть, последние минуты её жизни были не жёлтыми, а серыми, цвета бетона и медицинских простыней.

Она не знала. И это незнание жгло хуже, чем сама потеря.

— Эхо утверждают, — сказал однажды Окара во время подготовки, когда они разбирали архивные записи первой контактной группы, — что их мнемоза абсолютны. Они не искажаются со временем. Не выцветают. Не подвержены ошибкам памяти. Это не субъективное переживание — это объективная реальность, запечатлённая в их... мнемоструктуре, назовём это так.

— И что с того? — спросила тогда Лира, хотя прекрасно понимала, что он имел в виду.

— А то, что, если бы мы могли получить мнемоза Айи... — начал он и замолчал, потому что Лира посмотрела на него таким взглядом, который отменял все дальнейшие слова.

Она не хотела обсуждать это. Она хотела это сделать. А для этого нужно было не говорить — для этого нужно было лететь. Три года бюрократических согласований, три года ночных кошмаров, три года, в течение которых она убеждала Контактный Совет, что именно она — та, кто не повторит ошибок первой группы, потому что она уже мертва внутри, а мертвым нечего терять.

Совет не поверил ей. Совет испугался. Но Лира нашла союзника — старого ксенофизиолога по имени Дженсен, который когда-то работал с выжившими после того первого контакта. Он сказал ей тогда: «Единственные, кто может войти в сознание Эхо и не рассыпаться, — это те, кто уже носит в себе достаточно мёртвых. Их психика переполнена. Чужая память просто не найдёт там свободного места, чтобы вытеснить хозяина. Она будет как капля в океане». Он ошибался. Но Лира не стала его поправлять.

Она встала, надела скафандр — лёгкий, полупрозрачный, созданный специально для этой миссии. В нагрудный карман, туда, где у других людей бьётся сердце, она положила жёлтый цветок.

Корабль «Мнемозина» — названный в честь титаниды памяти, матери девяти муз — медленно входил в орбиту Зеркала. Лира шагнула в коридор, и каждый её шаг отдавался в

тишине, как удар колокола по застывшей ртути. Коридоры были тускло освещены — корабль сэкономил энергию. Ей нравился этот полумрак. В полной темноте она теряла ориентиры и начинала паниковать — ей казалось, что она падает в бесконечный колодец, на дне которого Айя зовёт её, но голос становится всё тише. В полном свете она видела своё отражение в каждом пластиковом щите и ненавидела женщину, которая смотрела на неё оттуда: слишком спокойную, слишком собранную, слишком живую. Как смеет эта женщина существовать, когда Айи больше нет?

Окара ждал её у наблюдательной палубы. Он был высок, чернокож, с мягкими движениями человека, который привык иметь дело с хрупкими вещами — древними артефактами, осколками керамики, хрупкими мирами. Сейчас он разглядывал голографическую проекцию Зеркала — ослепительно-белого шара с аметистовыми полосами, в глубине которого, словно мысли в чужом сознании, дрейфовали Эхо.

Ли́ра впервые видела их так близко. Они напоминали гигантских медуз — но медуз, сотканных из света и полупрозрачной плоти, которая мерцала тысячами оттенков фиолетового. Их тела пульсировали в такт каким-то внутренним ритмам, и каждый пульс выбрасывал в атмосферу планеты облачка сияющей пыли — возможно, это была речь, возможно, дыхание, возможно, воспоминания, ставшие слишком тяжёлыми, чтобы их носить в себе. Вокруг каждого Эхо вращались маленькие светящиеся сферы — мнемозха, поняла Ли́ра. Отпечатки умерших. Мёртвые, которые никогда не умирают.

— Они знают, что мы здесь, — сказал Окара, не оборачиваясь. — Приветствовали нас около часа назад.

— Что они сказали?

Окара коротко усмехнулся.

— Ты не поверишь. «Вы принесли с собой горечь. Мы чувствуем её. Она похожа на соль, брошенную в пресную воду. Зачем вы носите соль?»

Ли́ра молчала. Она чувствовала эту горечь на языке, на нёбе, на кончиках пальцев. Это была не метафора. После смерти Айи у неё изменился вкус слюны — врачи говорили о психосоматике, но Ли́ра знала правду: горе — это химия. Это реальное, физическое вещество, которое сочится из каждой поры.

— Я ответил, что горечь — это часть того, кто мы есть, — продолжил Окара. — Они долго молчали. А потом сказали: «Ваши мёртвые продолжают дышать вашим воздухом. Как вы не задыхаетесь?»

— И что ты ответил?

— Что мы задыхаемся. Но не знаем, как иначе.

Ли́ра почувствовала, как внутри неё поднимается что-то, похожее на надежду. Она ненавидела это чувство. Надежда была обманщицей, которая три года назад пообещала ей, что Айя выживет, что всё обойдётся, что врачи ошибаются. Надежда была первой, кто её предал.

Но сейчас — сейчас она позволила надежде войти. Только на минуту.

— Окара, — спросила она тихо, — те, кто пытался взять чужие мнемозха... что с ними стало?

Он повернулся к ней. В его глазах была печаль, которую он не пытался скрыть.

— Говорят, они переставали отличать свои воспоминания от чужих. Начинали любить чужих детей, скорбеть о чужих умерших, забывать себя. А потом... потом они уже не хотели возвращаться. Потому что в чужих воспоминаниях было больше радости, чем в их собственной жизни.

— И что с ними сделали?

— Ничего. Они сами ушли. В Зеркало. Сказали, что там, среди мёртвых, они впервые почувствовали себя живыми.

Ли́ра кивнула. Она знала эту историю. И она всё равно шла туда.

В иллюминаторе проплыло одно из Эхо — настолько близко, что Лира могла разглядеть детали. Его тело было похоже на купол из студенистой ткани, под которой медленно перекачивались огни — жёлтые, синие, алые. Они загорались и гасли, как нейроны в гигантском мозге. От тела отходили тончайшие, почти невидимые щупальца, каждое длиной в несколько километров, и на концах этих щупалец висели сферы — мнемоза. Некоторые были размером с горошину — вероятно, память о мелких существах, планктоне газовых морей. Другие — с человеческую голову. Одна сфера была огромной, величиной с боевую станцию, и внутри неё медленно вращались звёзды — может быть, память о чём-то, что жило так долго, что успело вместить в себя целую галактику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.